

Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы. Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд. 2-я половина XIX — начало XX в. М., 1982.

Таджики Каратегина и Дарваза / Ред. Н.А. Кисляков, А.К. Писарчик. Душанбе, 1976. Вып. 3.

Троицкая Л. А. Первые сорок дней ребенка среди оседлого населения Ташкента и Чемкентского уезда // Сб. В.В. Бартольд. Ташкент, 1927.

Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

Широкова З.А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // Этнографическое обозрение. 2002. № 4.

Н.А. Тлеубергенова

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО КАРАКАЛПАКОВ

Важным направлением исследования истории любого народа является изучение его ремесленной деятельности. Развитие ремесла в конкретную историческую эпоху — это один из показателей состояния общества, т.е. ремесленная деятельность и ее составляющие в какой-то мере отражают уровень социально-экономического и культурного роста на всем протяжении истории. Результаты ремесла в виде конкретной продукции передавались от поколения к поколению, составляя, таким образом, неотъемлемую часть материального наследия народа. И в этом отношении история каракалпаков не является исключением. Накопленные историко-этнографические материалы свидетельствуют, что в прошлом ремесло составляло основную сферу хозяйственной деятельности каракалпаков. Имея богатые исторические традиции и высокую художественную культуру, оно являлось наиболее развитой отраслью народного творчества.

Ремесла, связанные с обработкой металлов, на территории Каракалпакстана возникли в глубокой древности, еще тогда, когда люди научились изготавливать медные и бронзовые предметы. Это

подтверждается археологическими материалами. Древнее население Южного Приаралья во второй половине II тыс. до н. э. пользовалось рядом предметов местного производства. Об этом свидетельствуют уникальная находка каменной литейной формы для отливки наконечника копья из поселения Джанбас-21 [Итина 1977: 131] и многие металлические изделия различного характера, выявленные археологами на поселениях и городищах на территории Каракалпакстана.

Античные источники дают сведения об употреблении сако-массагетскими племенами различных металлов [Геродот 1972: 79].

О древности кузнечного ремесла у каракалпаков свидетельствуют фольклорные данные, обряды и верования, связанные с личностью кузнеца, мастерской и инструментами.

О давних традициях каракалпаков в кузнечном деле свидетельствуют наряду с письменными источниками местные легенды о происхождении кузнечного ремесла, о святом покровителе кузнецов Хазрети Даут, который передал кузнечное мастерство одновременно каракалпакам и узбекам. О давности занятия каракалпаков кузнечным ремеслом свидетельствуют и этнонимы. Например, каракалпакский род казаяклы имеет подразделение «коп уста» (много мастеров), представители которого занимались и занимаются кузнечным ремеслом. Топонимика Каракалпакстана также отражает занятия населения кузнечным ремеслом, например название аула «Зангиши» — аул изготовителей стремян.

Кроме того, во многих районах Каракалпакстана мастера-кузнецы хранят сведения о династиях кузнецов. Мы встречались с мастерами, у которых четыре и более поколений предков были кузнецами. В 2001 г. в Тахтакупырском районе мы беседовали с кузнецом Абдикамаловым Сеидмухамедом (1949 г.р.), каракалпаком из рода кара-мойын, четыре поколения предков которого занимались кузнечным делом. В том же году в Караузякском районе мы брали информацию у потомственного кузнеца Раметова Оразбая (1930 г.р.), казаха из рода алим, который являлся кузнецом в шестом поколении. Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1956 г.

в Кегейлийском районе получил сведения о кузнечном деле каракалпаков от потомственного кузнеца Есемурата Дурсова, предки которого 18 поколений занимались этим ремеслом [Камалов 1968: 108–109]. В 1973 г. во время историко-этнографической экспедиции этнографом А. Утемисовым была проведена беседа с кузнецом Абдусаматом Саимбетовым (75 лет, каракалпак из рода кенегес, подразделения сары), у которого также 18 поколений предков занимались кузнечным ремеслом [Утемисов 1991: 13–14].

До начала XX в. кузнечное дело оставалось самым распространенным из ремесел, связанных с производством металлических изделий. Кузнецы удовлетворяли потребности населения в предметах домашнего хозяйства, обеспечивали инструментами ремесленное и сельскохозяйственное производства, строительные промыслы. Производственной специализации как таковой у кузнецов Каракалпакстана (как в Ташкенте, Самарканде, Бухаре) не было. В этих крупных городах кузнецы XIX — нач. XX в. делились на мастеров по изготовлению определенных изделий. Например, в Бухаре было около 150 кузнецов: из них 30 *ташгаров* — изготовителей кетменей, 50 *доссозов* — изготовителей серпов, некоторые мастера занимались производством ножей и т.п. [Сухарева 1962: 31].

По сведениям, полученным от некоторых информаторов в начале XX в., наблюдалась такая специализация и у каракалпакских кузнецов, хотя эти ремесленники назывались общим универсальным именем — *темириши*. В действительности существовали специальности, которые по объекту и продукту труда имели свои наименования — *зангиши* (изготовители стремян), *пышакшы* (ножовщики) и др.

Прогрессивным явлением, свидетельствующим о дальнейшем развитии кузнечного дела, стала специализация отдельных территорий. Подтверждением тому служат названия аула в Ходжейлийском районе и улицы в том же районе — Касип, в которых большая часть населения имела отношение к кузнечному ремеслу, аулов Сарыоймауыт, Зангиши, жители которых были потомственными кузнецами. В этих специализированных населенных пунктах можно видеть отражение роли ремесленных корпораций

как организованных центров мелких производителей соответствующих отраслей.

Кузнечное ремесло каракалпаков было развито как в сельской местности, так и в городах. Центрами кузнечного ремесла были города Ходжейли, Чимбай, Кунград. Кроме того, эти города являлись торговыми центрами для населения низовьев Амударьи в XIX — начале XX в. Кузнецы имели индивидуальные мастерские, которые, как и лавки, где производилась реализация продукции, определялись термином *дукан*. У городских кузнецов мастерская-*дукан* располагалась на базаре, в соответствующих ремесленных рядах. Иногда под мастерскую кузнецы приспособивали старую юрту или же полуземлянку — *жертоле*. Но чаще всего строили отдельное помещение с навесом и одним окном. В каждой мастерской работали кузнец и его ученик (ученики). По сведениям информантов, в специализированных населенных пунктах (аул) в каждой мастерской работало от трех и более человек, что свидетельствует о разделении труда.

Производимые ремесленниками-кузнецами изделия можно разделить на типы:

- орудия труда для земледелия;
- орудия труда для скотоводства;
- орудия труда для рыболовства;
- ремесленные инструменты;
- оружие;
- предметы домашнего хозяйства;
- аксессуары одежды;
- металлические предметы конского убранства.

Кроме того, кузнецы изготавливали женские музыкальные инструменты — *шыңкобызы*, металлические предметы, используемые народными лекарями — *табибами* в лечении больных, а также ремонтировали металлические изделия местного производства и привозные. Приведенная типология кузнечных изделий определялась особенностями спроса местного населения и соответствовала характеру комплексного хозяйства каракалпаков.

Таким образом, изучение кузнечного ремесла каракалпаков помогает нам выявить характерные черты традиционного быта

и культуры, показывает картину традиционной хозяйственной деятельности каракалпакского народа.

Библиография

Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 79.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э). М., 1977.

Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках. (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент, 1968.

Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в. (ремесленная промышленность). Ташкент, 1962.

Утемисов А.У. Каракалпаклардын онер-касиплери. Нокис, 1991.

Х.А. Хабекирова

РОЛЬ И МЕСТО ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЧЕРКЕСОВ

Рассматривая вопросы статуса, положения женщины у черкесов, мы обратили внимание на их зависимость от конкретной социальной роли, выполняемой ею в обществе: мать, сестра, жена, дочь и т.д. Об этом явлении упомянуто в нескольких наших статьях, посвященных образам женщины вообще, сестры, жены [Хабекирова 2005: 99; 2007: 36].

Здесь же мы обращаемся к образу матери. У черкесов именно эта социальная роль ставится и оценивается выше всех остальных женских ролей. Такое отношение к персоне матери, наделение ее всеми возможными положительными качествами — это выработанная и провозглашенная обществом норма, ориентированная на идеал. Можно сказать, что такая установка занимает главное место в системе жизненных ценностей черкесов.

Почитание матери, идеализация ее образа — характерная черта, вероятно, всей общечеловеческой культуры. Она основана на осознании и понимании значения женщины-матери в «обеспечении» жизни, биологическом и культурном воспроизводстве рода человеческого. В культуре черкесов существует некий усредненный стереотип материнского образа, имеющий собира-

Библиография

Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. (Сб. МАЭ. Т. XXXIV.) Л., 1978.

Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 1982.

Н.А. Тлеубергенова

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СКОРНЯЖНОМ РЕМЕСЛЕ КАРАКАЛПАКОВ

В связи с природно-географическими особенностями низовьев Амударьи каракалпаки с давних времен занимались комплексным хозяйством: земледелием, скотоводством, рыболовством. Особенности каракалпакской системы комплексного хозяйства отражены в народной поговорке: «Три месяца — молоко, три месяца — дыни, три месяца — тыквы, три месяца — рыба — как-нибудь проживем». Такое хозяйство обеспечивало бытование различных ремесел и промыслов, которые являлись весомым подспорьем в экономической жизни каракалпаков.

Скорняжное ремесло — обработка шкур диких и домашних животных, шитье из них различной одежды — у каракалпаков является древним видом ремесла, о чем свидетельствуют различные источники.

О ношении верхней одежды и головных уборов из шкур диких и домашних животных свидетельствуют фольклорные данные. Каракалпакские этнографы в 70-х годах XX в. по воспоминаниям пожилых информантов восстановили один из видов традиционной зимней одежды каракалпаков *тайшахы* — тулуп

из дубленой шкуры жеребенка (*тайынишак*) шерстью наружу. Длинной *тайшахы* был до колен, носили его без украшений. Другой вид одежды из шкур, бытовавший в прошлом у каракалпаков, назывался *кылка*, это была рабочая одежда пастухов, табунщиков, жнецов. Она представляла собой тулуп из дубленой козлиной шкуры шерстью внутрь и длиной до колен. Исследователи предполагают, что *тайшахы* и *кылка* сохраняют в себе следы древних культурных связей предков каракалпаков с различными странами и народами, и такая одежда первоначально носила ритуальный характер [Этнография каракалпаков... 1980: 89].

У каракалпаков, как и у других народов Средней Азии, бытовал тулуп из овчины — *тон* или *постын*, который встречается и в современной национальной культуре, а в рассматриваемый период был широко распространен на территории Каракалпакстана. Эта одежда была самой авторитетной. Среди народа бытуют сказания об Айдос бие, который говорил, что одной из черт, отличающей каракалпака, является то, что он должен носить *тон*, а летом пить кислое молоко (*катык*), если же он этого не делает, он не может быть настоящим джигитом-каракалпаком. Наружная гладкая сторона этого вида одежды окрашивалась в серо-желтый цвет и отделялась вокруг неширокой красной полосой, на спине чуть ниже ворота помещался вышитый или окрашенный треугольник красного цвета *дуашык* — талисман, служивший оберегом от злых духов [ПМА].

Женскую шубу шили из выделанных шкурок с лисьих лап и шеи — она называлась *ишик*, ее также называли *еңсе тон* (*еңсе* — часть спины между лопатками) или *пушках тон* (*пушках* — мех с лап пушного зверя). Если шуба была с шелковым верхом, то ее называли *паишайы тон*. По бортам и полам шуба обшивалась мехом выдры [Этнография каракалпаков... 1980: 90].

Головные уборы каракалпаков — *кураш*, *шөгирме*, *сонпас*, *малақай*, *қулақшын*, *дегелей*, *телпек*, *папақ* — шились из выделанных шкур. Словами *шөгирме* и *кураш* называли головной убор из черной овчины шерстью наружу, овчина нашивалась на шапочку из войлока. *Сонпас* представлял собой маленькую круглую шапочку из черного бархата на меховой подкладке.

Малақай — это шапка с высокой макушкой, чаще всего из лисьего меха, с меховыми наушниками. Высокие меховые шапки каракалпаки называли *телтек* или *папақ*. Низенькая папаха с верхом из сукна *дегелей* шилась из серого или черного каракуля.

Верхнюю одежду и головные уборы из шкур шили мужчины. Мастеров, изготавливающих верхнюю одежду, называли *тоншы*, а тех, кто шил головные уборы, — *малақайшы*. В своих мемуарах К. Айымбетов писал о том, что ремесло *тоншы* нелегкое, требующее особых навыков и терпения [Айымбетов 1972: 104].

Сырье для шуб, тулупов приносили сами заказчики или заготавливали мастера. Шубу *тон*, *постын* шили из восьми-девяти бараньих или овечьих шкур, а короткие тулупы — из семи-восьми шкур. Шкуры должны были иметь длинную шерсть. Обработка шкур производилась при помощи заквасок из пшеницы, кислого молока, золы саксаула. Поверхность мездры обмазывали пшеничной закваской, кислым молоком и золой, разбавленной водой, и разминали. Следующим этапом в обработке являлось просушивание, после которого шкуру с помощью специального инструмента *сүрги* скоблили, удаляя жир и мездру. Затем подготовленную шкуру отбеливали мелом и красили в желтый цвет краской *нарпоз*. Полученную готовую шкуру называли *сенсен*, *елтири тери*.

Аналогичный способ обработки шкур существовал у всех народов Средней Азии.

Мастера, изготавливавшие головные уборы, обрабатывали шкуры диких и домашних животных таким же способом, как и *тоншы*. *Малақайшы* при обработке шкуры диких животных — волков, лисиц — использовали закваску из пшеничной муки с добавлением кислого молока. Мастера-*малақайшы* для шитья головных уборов имели формы *қалип*. *Қалип* состоял из трех частей, для того чтобы сшить убор определенного размера, между ними закладывали какие-нибудь предметы.

Верхнюю одежду и головные уборы из выделанных шкур мастера изготавливали на заказ и для продажи на рынке. На рынок производили в основном головные уборы, которые имели огромный спрос во внутренней торговле. Архивные материалы свидетельствуют, что на территории Амударьинского отдела в конце

XIX в. имелись мастерские, в которых работали по 2–3 человека, заработок которых составлял 300 руб. [ЦГАРУз. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 148. Л. 44].

За 70 лет советской власти, когда экономика Каракалпакстана имела односторонний характер, развитие традиционных ремесел было проигнорировано и забыто, хотя, как известно, в свое время занятие населения Каракалпакстана ремеслом позволяло ему переживать самые трудные годы. С первых дней независимости Узбекистана в числе первоочередных стала задача возрождения бесценного духовного и культурного наследия, созданного в течение многих веков нашими предками. Возрождение традиционной культуры, древних ценностей рассматривается как естественный процесс роста национального самосознания, возвращения к духовным истокам, его корням.

Таким образом, традиционная народная культура не является мертвым историческим наследством или предметом ретроспективного рассмотрения. Она представляет собой живую действительность, существенную часть современной культуры, накладывает этнический отпечаток на ее облик, служит неисчерпаемым источником для ее развития и обогащения. Именно традиционная народная культура придает специфические стилевые черты культуре каждого народа, служит укреплению его национального самосознания.

Библиография

- Айимбетов К.А.* Өткен күнлерден елеслер. Нөкис, 1972.
Этнография каракалпаков XIX — нач. XX в. (материалы и исследования). Ташкент, 1980.

Список сокращений

- ПМА — Полевые материалы автора, 2005 г., Тахтакупырский район
ЦГАРУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан

**Государственное бюджетное учреждение культуры
Владимирской области
«Муромский историко-художественный музей»**

УВАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – X

ФИЗИОГНОМИКА ГОРОДА

**Материалы всероссийской научной конференции
с международным участием
Муром, 19-21 апреля 2017 г.**

**Владимир
2018**

ЛИЧНОСТЬ МАСТЕРА-РЕМЕСЛЕННИКА В МИРОВОЗЗРЕНИИ КАРАКАЛПАКОВ

Происходящие в нашем обществе социально-политические процессы и ряд других немаловажных факторов выдвигают на первый план задачу возрождения утрачиваемых к настоящему дню ценностей и требуют нового подхода к освещению этнографии каракалпакского народа на основе идеологии национальной независимости. Важными в ряду таких национальных ценностей являются традиционные верования, обряды и представления каракалпаков, связанные с ремеслом.

В традиционных верованиях, обрядах и представлениях, связанных с ремеслом, фигура мастера-ремесленника, его личность занимает главное место. Многие авторы, изучавшие традиционные ремесла, а также исследователи, занимающиеся вопросами религиоведения, связывают личность мастера с шаманством, культом предков, с анимистическими верованиями.

Г. П. Снесарев отмечает связь шаманства, колдовства и кузнечества, определяя ее данными о «силе» железа, служащего в качестве оберега. Связь шаманов и кузнецов прослеживается в шаманских призываниях духов и святых¹. О. М. Сухарева указывает на одну из основных концепций народного мировоззрения, которая объединяет в единое целое, отражая генетическую связь, и пережитки шаманизма, и практику, и идеологию суфизма, и различные виды производственной деятельности в их обычной для Средней Азии форме профессиональных корпораций². Б. А. Рыбаков, анализируя генезис производственных культов Древней Руси, пишет о том, что русские кузнецы считались знахарями, колдунами, чародеями. От кузнечных технических терминов производились слова, имевшие смысл хитрого, опасного³. А. М. Сагалаев, И. В. Октябрьская, анализируя различные аспекты знаковой деятельности, раскрывая мировоззренческие основы шаманизма тюрков Южной Сибири, отмечают, что мастера и шаманы в мифологии сибирских тюрков тесно связаны. Контаминация шаманства и ремесленничества в народном сознании отра-

жалась в якутской пословице: «Кузнец и шаман из одного гнезда»⁴.

Наши полевые этнографические материалы, собранные среди ремесленников, а также среди обычных людей, пользующихся их продукцией, дают интересные факты по рассматриваемому вопросу⁵.

Каракалпаки с особым почтением относились к мастерам различных ремесел. Ремесленник, будь он кузнец, ювелир или гончар, был уважаемым лицом в традиционном обществе. Концепция труда — основной формы жизнедеятельности человека, способа его взаимодействия с природой и обществом — была одной из доминант мироощущения. Труд как форма жизнедеятельности, жизнеобеспечения обладал в глазах традиционного общества безусловной ценностью. Дидактика каракалпакского фольклора утверждает необходимость труда как одну из нравственных заповедей. Среди каракалпаков бытовали пословицы, поговорки, возвеличивающие труд ремесленника, личность мастера: «Усталы ел дузелер, кассаплы ел бузылар» («Народ, имеющий мастеров процветает, народ, у которого много мясников, погибает»); «Онерлинин озеги талмас» («Человек, занимающийся ремеслом, не знает усталости»); «Онерли орге журеди» («Мастер всегда продвигается вверх»); «Мийнет пенен танылган ердин, мангилкке ошпейди тарийхтан аты» («Имя человека, прославленного трудом, не угаснет в истории»)⁶. Мастера-ремесленники рассказывали нам легенды, притчи о своих ремеслах. Здесь мы приводим одну из притч, записанную нами у кузнеца из Тахтакупырского района. «У одного человека было три сына, каждый из которых имел свое место в обществе и обладал определенной профессией. Их отец всем говорил:

Бир баламды уста кылдым (Один сын стал мастером),
Бул исимди пухта кылдым (Это я сделал расчетливо).
Бир баламды бахсы кылдым (Другой сын стал певцом)
Бул исимди яхшы кылдым (Это сделал хорошо).
Бир баламды молла кылдым (Третий стал муллой),

Еки козин жолда кылдым (Теперь он только глядит на дорогу, т. е. он ждет какого-либо религиозного мероприятия)».

Эта притча отражает отношение людей к знаниям, ремеслу, освещает мировоззрение человека относительно личности мастера, человека в обществе.

В представлениях широких масс различные виды производственной деятельности, профессии дают средства к существованию. Занятие ремеслом является также моральной и религиозной обязанностью перед предками, которые занимались этим делом, начиная с мифического основателя этого ремесла. Как информировали нас мастера, они продолжают заниматься ремеслом своих предков, объясняя тем, что «кто не будет продолжать дело предков, тот будет проклят. Если мастер будет заниматься другим видом ремесла, его труд не окупится, не будет приносить доход».

В традиционном обществе люди, стремясь возвысить труд до уровня сакральных ценностей, уводя родословную мастеров своего дела в мир божеств, в то же время воспринимали труд как воплощение земного бытия, отличающегося от творчества богов. Поскольку многие наши информаторы являлись потомственными мастерами, у нас в наличии большой фактический багаж, освещающий личность мастера-ремесленника. Каждый ныне действующий мастер рассказывал нам о качествах, которыми обладали его деды. Кроме того, современники их отцов, дедов также поведали нам о наличии сверхъестественных способностей и сил у мастеров. Здесь мы приведем несколько фактов, которые посчитали необходимыми для полного показа представлений о личности мастера. Вот что рассказал нам потомственный кузнец в восьмом поколении из Караузякского района: «Мастер-кузнец не должен лгать, воровать, наговаривать на людей. Он не должен обманывать клиента, обязан выполнять заказ в назначенный срок. Каждую среду кузнецы должны давать „садака“ (милостыню нуждающимся). Каждый четверг мастер должен работать бесплатно (халыс). Мастерство передается по наследству. Если хоть один день я не буду заниматься своим ремеслом, в этот день я не смогу спать, буду плохо себя чувствовать. Мастера всегда чувствуют, будто кто-то их незримо всегда охраняет. Однажды в меня

хотел выстрелить пьяный сосед, но ружье его дало осечку, он же набросился с лопатой на мою мать, но лопата сломалась. Я думаю, что меня и моих родных постоянно охраняют духи моих предков». Интересной в этом плане представляется информация, полученная от невестки ныне покойного известного ювелира Амета-зергера. «В совхозе имени 8-марта Тахтакупырского района жил родственник моего свекра, тоже знаменитый ювелир Ибадулла-зергер. У него был единственный сын. Он был очень избалованным. Однажды мальчик, балуясь, стал пинать наковальню, трогать инструменты, мешая отцу работать. Отец несколько раз прикрикнул на него, но мальчик не переставал мешать. Ибадулла-зергер очень разозлился и в ярости он проклял сына: „Наверное, ты сойдёшь с ума“. В этот же день после обеда с мальчиком случилось необъяснимое, он действительно сошел с ума. Люди привязали его к арбе, через три дня он умер в припадках».

Сообщение мастера-универсала из Тахтакупырского района отражает, какими качествами и способностями должны обладать ремесленники. «Мастера брали на обучение не всех желающих, они выбирали ребят с определенными качествами, выделявшие его среди остальных. Находчивость, ум, коммуникабельность — этими качествами должен был обладать ученик. О таких говорят „ата аруаки бар“, т. е. им покровительствуют духи предков. Я знаю, что все ремесла священны, они имеют пиров-покровителей. Мне снятся мои недоконченные изделия, какие технические приемы я использую, чтобы изделие вышло красивым и качественным. Просыпаясь, утром я сразу же приступаю к работе, доканчиваю изделие, как делал во сне. Видимо, это мне снится оттого, что каждое ремесло имеет своего пира-покровителя. Думаю, что они мне указывают, как надо изготавливать вещи (аян береди)».

Информация, полученная от ювелира из Чимбайского района, дает характеристику мастерам-ювелирам. «Мой дед говорил, что мастер не должен быть слабохарактерным. У него должен быть дерзкий характер. Мастер должен иметь „аруак“ — „духа“, не имея „аруак“, он не сможет стать истинным мастером. Что касается моих способностей, — меня никто не может обмануть. Если кто-либо заберет готовое изделие не заплатив, то он не смо-

жет спать спокойно, или с ним случится какое-либо несчастье. Наше ремесло очень религиозное, вообще все ремесла являются священными».

Многочисленные данные, и, в частности, мифология о происхождении ремесел, указывают на то, что, создавая вещь, человек как бы повторял те операции, которые вначале мог выполнять только творец Вселенной. Таким образом, человек как-бы продолжал начатое демиургами дело творения мира, возложив на себя задачи не только восполнения естественных потерь, но и дальнейшего заполнения, уплотнения мира. Практически во всех культурах специалистам (кузнецам, гончарам, строителям и др.) приписывались особые свойства, качества и знания, что служило основанием для их выделения. Среди этих особых качеств обращает на себя внимание устойчивая деталь: сила и могущество специалистов в глазах остального общества выходили далеко за рамки ремесла. Благодаря своему знанию, они приобретали способность общения с теми силами, которые могли воздействовать на судьбы людей. Им приписывалось владение языком, недоступным для остальных. Причем, специалисты не только владели особым языком, но и контролировали канал связи между миром человека и миром природы, являясь своеобразным посредником⁷.

Сообщения наших информаторов свидетельствуют о том, что мастерами становились те люди, которые имели особые качества, они наделялись сверхъестественными способностями. Асы своего дела — это люди, имеющие «аруак», «арка». «Аруак» в переводе с каракалпакского языка обозначает дух, душу, призрак, привидение, а слово «арка» — спину. В данном случае термин «арка» можно объяснить тем, что за спиной мастера стоят сверхъестественные силы. В народе бытует выражение «аркасы котерилди» («у него поднялась спина»). У табибов, порханов процесс лечения начинается тогда, когда к ним приходят пиры-покровители и у них «поднимается спина» аркасы котериледи. Термины «аруак», «арка» понятия синонимичные, обозначающие сверхъестественные высшие силы, якобы сопутствующие маргинальным личностям. По словам самих мастеров, их подпитывают энергией, поддерживают духи покровителей ремесел, духи умерших ремесленников. Следующая информация, полученная нами от быв-

шего ювелира, дает объяснение о способностях настоящих мастеров. «Не каждый может стать ювелиром. Занимаются ювелирным ремеслом те, которые имеют „аруак“. Мои деды-прадеды были „аруаклы зергер“ — ювелирами, имеющие „аруак“. У меня самого нет „аруак“. В годы войны были очень трудные времена, я занимался ювелирным ремеслом только ради пропитания, изготавливал простые ювелирные украшения из недорогих металлов. Ювелир, имеющий „аруак“ — это настоящий мастер». Заниматься ремеслом, имея особый дар «аруак», «арка» и быть ремесленником без таких способностей понятия поляризованные, стоящие далеко друг от друга. По представлению каракалпаков, человек, наделенный особыми качествами, сакральными способностями, может стать настоящим мастером. Слава о таких мастерах простирается далеко за пределами селения или города, где он проживает. А после смерти их имена еще больше возвеличивали, память о них сохранялась из поколения в поколение. Люди поминали их, а ученики в честь них совершали молитвы, жертвоприношения.

Н. А. Жуковская, исследуя бурятскую мифологию и ее монгольские параллели, пишет, что к покровителям кузнечного дела относились также души умерших земных кузнецов — людей, обладавших при жизни особым талантом и, как полагали окружающие, особым покровительством небес. Их души становились добрыми кузнечными духами, приобщенными к миру божеств и почитались профессионалами-кузнецами и их семьями⁸. Исследователи традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири отмечают, что социальная роль в традиционном обществе не осознается как профессия или должность. Скорее она воспринимается как призвание, особенно если эта роль связана с особым знанием в ремесленной или сакральной области. Противоречивость и неоднозначность основных социальных ролей в этнографической традиции прослеживаются вполне отчетливо. Проявление творческого начала, знания сверх нормы расценивалось обществом двояко: с одной стороны, как явление позитивное и полезное, с другой — как потенциально опасное, имеющее отношение к миру иного. Соотношение в обществе людей обычных и наделенных особым даром понималось как соотношение «внутреннего»

и «внешнего», «своего» и «чужого»⁹. Специалисты в области тайного знания, так или иначе сопряженного с их профессией — кузнецы, гончары и другие ремесленники — обладают избытком свойств и качеств, что ставит их вне нормы. Среди кузнецов, ремесленников особое знание-умение уже передается из поколения в поколение, и тем самым закрепляется наследственный характер особого статуса человека, ими обладающего. Реалии технологического процесса ремесленного производства дополняются или же связываются с сакральными действиями. Это объясняется тем, что вещь, изготовленная ремесленником, была до этого бесформенной массой, рудой и т. п., то есть сырьем, из которого она сделана, подвергнутая обработке сведущими, отмеченными людьми и превращенная в вещь, необходимую для жизнеобеспечения. Весь цикл физического освоения людьми природной среды — производство, распределение и потребление материальных благ — совершается в определенных социально-организованных формах. Созидая и используя искусственную вещную среду, обеспечивающую удовлетворение его базовых жизненных запросов, человек в этой своей деятельности стимулируется не одними лишь витальными потребностями и руководствуется далеко не только соображениями чисто утилитарного порядка. Конструируя эту среду и стремясь максимально приспособить ее к себе, человек выносит в нее, объективирует в ее вещественных формах и способах своего собственного поведения в ней практически весь набор своих биологических, социальных и интеллектуальных характеристик, в том числе комплекс социально унаследованных, закреплённых в механизме этнокультурной традиции идей, представлений, стандартов поведения, нормативных критериев, предпочтений и т. п.¹⁰

Деятельность мастера всецело определяется традицией. Вещь должна изготавливаться в соответствии с традицией, определенным способом и определенным, наделенным благодатью, человеком: она должна соотноситься с мифологическими покровителями ремесла или благодетельными духами и т. д.

Помимо почтительного, уважительного отношения к ремесленникам, существовала противоположная позиция по отношению к ма-

стерам-ремесленникам отдельных ремесел. К ремесленникам, занимающимся определенными видами производственной деятельности, люди относились со скрытым презрением, некоторых из них причисляли к низким социальным слоям. Кроме того, обычные люди как бы боялись их, опасались большего и частого общения с ними. Профессии, которыми владели эти мастера, у каракалпаков не были в почете. К таким, профессиям относили мясников, парикмахеров, сапожников, кожевников, ювелиров. К ювелирам бытовало двойственное отношение. С одной стороны, ювелиры были в почете, к ним относились с глубоким уважением, мастерство ювелиров, их изделия славилась из поколения в поколение. Их имена оставались в памяти народа. С другой стороны, к ним было предвзятое отношение, за глаза говорили, что мастера-ювелиры обворовывают заказчиков (адамлардын хакысын жейди). Среди каракалпаков распространены поговорки и легенды, связанные с ювелирами. Например, есть выражение «зергердин мазарындай» — «кладбище для ювелиров»: так называли людей, каким-то образом обособившихся от остальных членов традиционного общества. Как нам объясняли, это связано с тем, что ювелиров после их смерти хоронили на отдельном участке кладбища. Существует легенда о ювелирах. Сын одного бая был наслышан о том, что ювелиры обманывают своих заказчиков. Он решил проверить, действительно ли это так. Пришел он к мастеру заказать себе нож. Сел возле мастера и целый день не отходил от него, пока он не закончил работу. В процессе изготовления ножа ювелир периодически поглаживал бороду. Закончив работу, он обратился к заказчику: «Я присвоил твое золото, обворовал тебя». Байский сын не поверил ему: «Я целый день специально сидел около вас, глаз не сводил с ваших рук. Каким образом вы могли присвоить мое золото?» Тогда ювелир постелил перед собой кусок белой ткани, потряс бородой, с его бороды посыпалась золотая пудра. Вот таким образом, рассказывали нам информаторы, ювелиры неприемлемо обкрадывают своих заказчиков.

В Южном Хорезме исследователи обнаружили представления о профессиях, которые считались низкими, непочетными «етти бам». Г. П. Снесарев на большом этнографическом

материале объясняет институт профессий «бам». К «бамам» причисляются омывальщики мертвых, мясники, лодочники, лица, занимающиеся убоем новорожденных ягнят для получения каракуля, весовщики, парикмахеры, банщики и массажисты, маслобойщики, рыбаки, убивающие рыбу отстрелом из ружья, красильщики, садовники, занимающиеся прививкой деревьев, кожевники, ювелиры. Профессии, чаще всего относимых к «бам», представляют интерес той мотивировкой, которой оправдывается причисление их к «низким», «презренным» профессиям. Эта мотивировка двоякого характера. Совершенно четко выступают мотивы морально-этические, которые являются более поздними, навеянными мусульманством, с развитыми понятиями греховности и добродетели. Другая группа мотивов, часто и первая, касается области сакральных представлений, ничем не связанных с исламом¹¹.

У многих народов мира существуют представления о «низких», «презренных» профессиях, к которым в большинстве относятся мясники, парикмахеры, кожевники, красильщики, уборщики, омывальщики, танцоры. Г. П. Снесарев объясняет непочтительное, презрительное отношение к обладателям определенных ремесел наличием в прошлом Средней и Передней Азии рабовладения¹².

Е. В. Антонова в своей работе по реконструкции мировосприятия древних земледельцев Передней и Средней Азии отмечает, что такая

ситуация (презрительное отношение к ремесленникам) — порождение дифференцированного общества, и судить по ней о первобытной древности невозможно. Связь работы ремесленников с деятельностью богов-творцов предполагает скорее их высокий общественный статус¹³.

В отличие от других народов, в традиционном обществе каракалпачков не принято демонстрировать свое презрение, непочтение к обладателям «низких» профессий. Хотя всем известно, что они соприкасаются с «нечистыми» веществами, люди скрывают подобное отношение, объясняя это тем, что эти мастера могут навлечь на них несчастье. Соглашаясь с Е. В. Антоновой, представления о «низких», «презренных» профессиях являются поздними напластованиями в идеологии, связанной с эволюцией ремесленной деятельности. В архаическом сознании традиционного общества каракалпачков к ремесленникам было двойственное отношение: с одной стороны суеверно-боязливое, с другой стороны суеверно-почтительное.

Рассмотрев представления о личности мастера-ремесленника в мировоззрении каракалпачского народа, сравнив их с другими народами, можно сделать вывод, что их изучение имеет важное значение в исследовании традиционной духовной культуры каракалпачков. В них можно проследить эволюцию развития мировоззрения, миропонимание каждого поколения. Кроме того, они свидетельствуют о социальной жизни ремесленников, об их статусе в традиционном обществе.

¹ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М., 1969. — С. 46.

² Сухарева О. А. О ткацких ремеслах в Самарканде // История и этнография Средней Азии. — Душанбе, 1981. — С. 35.

³ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. — М., 1948. — С. 485-486.

⁴ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. — Новосибирск, 1990. — С. 91.

⁵ Полевые материалы автора, собранные в 2010-2012 гг. по районам Каракалпакстана, приводятся без сносок.

⁶ Каракалпак фольклоры. — Нукус, 1978. — Т. 4. — С. 28, 147-148.

⁷ Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирова-

ния вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — Л., 1989. — С. 64.

⁸ Жуковская Н. Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. — М., 1980. — С. 107-108.

⁹ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Указ. соч. — С. 92, 110-116.

¹⁰ Маркарян Э. С., Арутюнов С. А. и др. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. — Ереван, 1983. — С. 6-65.

¹¹ Снесарев Г. П. Указ. соч. — С. 165.

¹² Там же. — С. 179-180.

¹³ Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. — М., 1984. — С. 126.